

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ЭПОС

БЕОВУЛЬФ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эпосы, легенды и сказания

Беовульф

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70358758

Беовульф: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-159464-0

Аннотация

«Беовульф» – древнейшая англосаксонская эпическая поэма, сохранившаяся в полном объеме. Ее сюжет переносит читателя в древние времена на Скандинавский полуостров, в мир, наполненный битвами, подвигами и пирами. Молодой воин по имени Беовульф из скандинавского племени гаутов, известный своей силой и воинскими умениями, узнает о горе, которое настигло конунга Хродгара, – двенадцать лет страшное чудовище по имени Грендель нападает на дворец короля и истребляет его подданных. Беовульф с дружиной отправляется на выручку, с этого начинается повествование о подвигах героя...

В настоящем издании «Беовульф» публикуется в полном классическом переводе В. Тихомирова с примечаниями А. Либермана.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	21
5	27
6	32
7	37
8	44
9	48
10	53
11	62
12	66
13	73
14	77
15	84
16	90
17	95
18	101
19	107
20	112
21	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Беовульф

© Перевод. В. Тихомиров, наследники, 2023

© Примечания. А. Либерман, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

1

Истинно! исстари
слово мы слышим
о доблести данов,
о конунгах датских,
чья слава в битвах
была добыта!

Первый – Скильд Скевинг,
войсководитель,
не раз отрывавший
вражьи дружины
от скамей бражных.
За все, что он выстрадал
в детстве, найденыш,
ему воздалось:
стал разрастаться
властный под небом
и, возвеличенный,
силой принудил
10 народы заморья
дорогой китов
дань доставить
достойному власти.

Добрый был конунг!
В недолгом времени
сын престола,
наследник родился,
посланный Богом
людям на радость
и в утешение,
ибо Он видел
их гибель и скорби
в век безначалия, —
от Вседержителя вознаграждение,
от Жизнеподателя благонаследие,
знатен был Беовульф,
Скильдovo семя,
в датских владениях.
С детства наследник
20 добром и дарами
дружбу дружины
должен стяжать,
дабы, когда возмужает,
соратники
стали с ним о бок,
верные долгу,
если случится война, —
ибо мужу
должно достойным

делом в народе
славу снискать!
В час предначертанный
Скильд отошел,
воеводитель
в пределы Предвечного.
Тело снесли его
слуги любимые
на берег моря,
как было завещано
30 Скильдом, когда еще
слышали родичи
голос владычный
в дни его жизни.
Челн крутогрудый
вождя дожидался,
льдисто искрящийся
корабль на отмели:
там был он возложен
на лоно ладейное,
кольцедробитель;
с ним же, под мачтой,
груды сокровищ —
добыча походов.
Я в жизни не видывал
ладьи, оснащенной

лучше, чем эта,
орудьями боя,
одеждами битвы —
мечами, кольчугами:
40 всё – самоцветы,
оружие, золото —
вместе с властителем
будет скитаться
по воле течений.

В дорогу владыку
они наделили
казной не меньшей,
чем те, что когда-то
в море отправили
Скильда-младенца
в суденышке утлом.
Стяг златотканый
высоко над ложем
на мачте упрочив,
они поручили
челн теченьям;
сердца их печальны,
сумрачны души,
и нет человека
50 из воинов этих,
стоящих под небом,

живущих под крышей,
кто мог бы ответить,
к чьим берегам
причалит плывущий.

Долго правил
твердыней данов
Беовульф датский,
народоводитель
Скильдинг, наследник
единодержца,
пока не сменил его
сын его, Хальфдан
славный, что властил
до самой смерти, —
и в старости Скильдинг
бойцом был отменным.
Родилось на землю
от Хальфдана четверо:
60 Херогар, Хродгар,
Хальга Добрый
и дочь, которая,
слышал я, стала
подругой Онелы
в опочивальне,
супругой Скильвинга,
конунга шведского.
Хродгар возвысился

в битвах удачливый,
без споров ему
покорились сородичи,
выросло войско
из малой дружины
в силу великую.
Он же задумал
данов подвигнуть
на труд небывалый:
хоромы строить,
чертог для трапез,
70 какого люди
вовек не видывали;
там разделял бы он
со старыми, с юными
все, чем богат был
по милости Божьей, —
только земля неделима
и войско едино.
Слышал я также,
по воле владыки
от дальних пределов
народы сходились
дворец возводить
и воздвигли хоромы
в срок урочный,

а тот, чье слово
было законом,
нарек это чудо
Палатой Оленя,
именем Хеорот;
80 там золотые
дарил он кольца
всем пирующим.
Дом возвышался,
рогами увенчанный;
недолговечный,
он будет предан
пламени ярому
в распре меж старым
тестем и зятем —
скоро нагрянули
зло и убийство.

Тут разъярился
дух богомерзкий,
житель потемков,
который вседневно
слышал застольные
клики в чертогах:
там арфа пела
и голос ясный

90 песносказителя,
что преданье
повел от начала,
от миротворенья;
пел он о том,
как Создатель устроил
сушу – равнину,
омытую морем,
о том, как Зиждитель
упрочил солнце
и месяц на небе,
дабы светили
всем земнородным.
и как Он украсил
зеленю земли,
и как наделил Он
жизнью тварей,
что дышут и движутся.

Счастливо жили
дружинники в зале,
100 пока на беду им
туда не явилось
ада исчадие;
Гренделем звался
пришелец мрачный,

живший в болотах,
скрывавшийся в топях,
муж злосчастливый,
жалкий и страшный
выходец края,
в котором осели
все великаны
с начала времен,
с тех пор, как Создатель
род их проклял.
Не рад был Каин
убийству Авеля,
братогубительству,
ибо Господь
первоубийцу
110 навек отринул
от рода людского,
пращура зла,
зачинателя семени
эльфов, драконов,
чудищ подводных
и древних гигантов,
восставших на Бога,
за что и воздалось
им по делам их.

Ночью Грендель
вышел разведать,
сильна ли стража
кольчужников датских
возле чертога,
и там, в покоях,
враг обнаружил
дружину, уснувшую
после пиршества, —
не ждали спящие
120 ужасной участи, —
тогда, не мешкая,
грабитель грозный,
тать кровожорный
похитил тридцать
мужей-воителей,
и, с громким хохотом
и корчась мерзостно,
вор в берлогу
сволок добычу,
радуясь запаху
мяса и крови.
Лишь на рассвете

открылись людям
следы побоища
и сила Гренделя, —
был после пиршества
плач великий!

Скорбь огласила
утро стенаньями;
130 муж безупречный
сидел неутешен —
горе страшное,
слишком тяжкое! —
след проклятого
гостя видево,
он оплакивал,
конунг, павших
в неравной схватке.

Но не успели
даны опомниться:
ночь наступила,
и враг ненасытный,
в грехе погрязший,
опять набег
учинил убийственный;
не раз случалось
людям в ту пору
искать ночлега,

стелить постели
140 вдали от высокой
дворцовой кровли,
ибо враг кровожаждущий
в этом доме бесчинствовал
и, спасаясь от недруга,
уходили воины
прочь от места опасного;
он один одержал
верх над множеством
и остался, злокозненный,
в доме конунга
беззаконным хозяином;
и надолго чертог
обезлюдел.

Так двенадцать зим
вождь достойный,
друг Скильдингов,
скорби смертные
и бесчестье терпел
и печали неисчислимые.
150 И слагались в то время
по всей земле
песни горестные,
но правдивые

о том, как Грендель
войной на Хродгара
год за годом
злосердый ходит,
и нет предела
проклятой пагубе,
не ищет враг
замирения с данами,
не прекращает
разбоя кровавого,
цену крови
платить и не думает,
мужа знатного
даже золотом
у злодея не выкупить.
Так преследовал
160 датских ратников
призрак дьявольский,
ждал юных в засадах
и старых воинов
рвал на части,
из топей туманных
являлся ночью, —
кто знает, откуда
приходят скитальцы,
причастные тайн

самой преисподней! —
и множил муки
богоотверженец;
светлый Хеорот
стал пристанищем
полночной нечисти —
только места высокого,
освященного Богом,
не касался поганый,
не смел осквернять
170 трона кольцедарителя.

Такое Скильдингу
на долю выпало
горе долгое.
Сидели знатные,
судили мудрые,
в совете думали,
как бы вернее
людей избавить
от страшной участи;
молились идолам,
душегубителям,
и, воздавая им
жертвы обетные,
просили помощи

и подкрепления —
то суеверие,
обряд языческий,
то поклонение
владыке адскому!

180 Был им неведом
Судья Деяний,
Даритель Славы,
Правитель Неба,
не знали Бога,
не чтили Всевышнего.

Горе тому,
кто нечестьем и злобой
душу ввергает
в гееннский огонь, —
не будет ему
послабления в муках!

Но благо тому,
кто по смерти предстанет
пред Богом
и вымолит у Милосердного
мир и убежище
в лоне Отца!

Не было роздыха
сыну Хальфдана
190 в его несчастьях,
не мог всемудрый
осилить пагубу,
горе страшное,
слишком тяжкое,
напасть ночную,
людей постигшую
в его державе.
Услышал весть
о победах Гренделя
храбрец гаутский,
дружинник Хигелака —
он был сильнейшим
среди могучих
героев знатных,
статный и гордый;
и приказал он
корабль надежный
готовить в плавание:
там, за морем,
200 сказал, найдем мы,

за лебединой дорогою,
конунга славного,
но бедного слугами!
Людей не пугала
затея дерзкая,
хотя и страшились
за жизнь воителя,
но знаменья были
благоприятные.
Тогда собрал он,
ратеначальник,
в дружину гаутов
нахрабрейших,
товарищей верных,
числом четырнадцать,
и, сам пятнадцатый,
опытный кормчий,
повел их к морю,
к пределам суши.
210 Время летело,
корабль в заливе
вблизи утесов
их ждал на отмели;
они вступили
на борт, воители, —
струи прилива

песок лизали, —
и был нагружен
упругоробрый
мечами, кольчугами;
потом отчалил,
и в путь желанный
понес дружину
морской дорогой
конь пеногрудый
с попутным ветром,
скользя, как птица,
по-над волнами, —
лишь день и ночь
220 драконоголовый
летел по хлябям,
когда наутро
земля открылась —
гористый берег,
белые скалы,
широкий мыс,
озаренный солнцем, —
они достигли
границы моря.
Ладья их на якоре
стояла в бухте;
герои гаутские

сошли на берег,
блестя кольчугами,
звеня мечами,
и возгласили
хвалу Всевышнему,
что ниспослал им
стезю безбурную.
230 Тогда с утеса
дозорный Скильдингов
страж побережья,
следил, как ратники
во всеоружии,
в одеждах битвы
над бурунами
проходят по сходням;
дивился витязь
гостям незваным,
и прямо к ним он
коня направил,
служитель Хродгара,
и древком ясеновым,
копьем потрясая,
спросил пришельцев:
«Кто вы,
закованные в броню,
покрывшие головы

железными шлемами,
240 судно грузное
по мелководьям
сюда приведшие
из океана?

Давно храню я
наши границы,
поморье датское
от злонамеренных
морских разбойников,
но не упомяну,
чтобы чужая
дружина вышла
на этот берег
так, без опаски,
без дозволения
моих сородичей,
власть предержавших.

И я ни в жизни
не видел витязя
сильней и выше,
250 чем ваш соратник —
не простолюдин
в нарядной сбруе, —
кровь благородная
видна по выправке!

Но я обязан
узнать немедля
ваш род и племя,
дабы вошли вы
в пределы датские
не как лазутчики.
Вы, чужеземцы,
морские странники,
поторопитесь! —
я жду ответа,
я должен сведать,
откуда вы
и почто явились!»»

Воеводитель
ему отвечивал,
260 раскрыл сокровищницу
слов благородных:
«Мы все от семени
мужей гаутских,
наш конунг – Хигелак
его дружина – мы.
Воитель мудрый,
всеземнознатный
отец мой, Эггтеов,
состарясь, умер,
покинул землю, —
тому немало
минуло зим, —
но имя славное
доныне знаемо
под этим небом.
Не злые мысли
ведут нас к датскому
народоправителю,
к сыну Хальфдана, —
270 так помоги нам

добрым советом! —
и мы не скроем
от высокородного
помыслов наших,
о коих скоро
и ты узнаешь.

Молва разносит, —
скажи, то правда ли? —
что будто некая
тварь неведомая
тревожит Скильдинга,
датчан ночами
исчадь мрака,
зlobесный призрак,
в набегах яростных
губит и грабит.

От всей души я
хотел бы Хродгару
помочь советом,
280 дабы избавить
его от бедствия,
дабы вернулось
благополучие
в его державу,
дабы утихли
волны печалей,

не то вовеки
страх и злосчастье
с ним пребудут,
покуда не рухнут
стропила и кровля,
пока стоят
на холме хоромы».

С коня ответил
отважный всадник,
сказал дозорный:
«И сам ты знаешь,
что должно стражу-
щитоносителю
290 судить разумно
о слове и деле.
Я вижу ясно,
с добром вы к Скильдингу
путь свой правите,
и вам тореную
тропу, кольчужники,
я укажу;
а людям велю я
этот свежесмоленный
корабль охранять
и беречь от недругов:

пускай на песке
дожидает спокойно
древо морское
доброго кормщика;
вновь полетит
змееглавый по хлябям,
неся восвояси
хозяина славного,
300 к землям гаутским,
а с ним и дружинников —
тех, кого в битве
Судьба упасет».

Двинулась рать
(корабль остался,
причаленный к берегу,
широкогрудый,
на тяжком якоре);
ярко на шлемах
на островерхих
вепри-хранители
блистали золотом.
Так за вожатым
спешила дружина
мужей войнолюбых
широкой дорогой, —

и вдруг перед ними
в холмах воссияла
златослепящая
310 кровля чертога,
жилища Хродгара:
под небом не было
знатней хоромины,
чем та, озарявшая
окрестные земли.

Узрели славу
твердыни престольной
щитоносители;
страж, указав им
путь прямохожий,
коня направил
обратно к морю,
и молвил ратник:
«Теперь идите.
Отец Вседержитель
да будет с вами!
Дай Бог вам силы
в грядущих сражениях!
А я возвращаюсь
320 хранить границу
от недругов наших!»

На пестрые плиты,
на путь мощеный
толпа ступила
мужей доспешных
в нарядах ратных,
в кольчугах, звенящих
железными кольцами,
прочными звеньями, —
войско блестящее
шло ко дворцу.
Там, под стеной,
утомленные морем,
они сложили
щиты широкие
в ряд на лавы —
раскатом грянули
их нагрудники;
там же составили
330 копья из ясеня
вместе с мечами —
бремя железное,
вооружение
морестранников.

Тут страж-привратник,
воитель гордый,
спросил пришельцев:
«Откуда явились
щиты золоченые,
кольчуги железные,
грозные шлемы,
длинные копья?
Немало у Хродгара
я, глашатай,
встречал иноземцев,
но столь достойных
не видел! Надеюсь,
не ради прибежища,
как изгнанники,
340 но ради подвигов
пришли вы к Хродгару!»

Вождь гаутов
ему ответил,
стойкий в битве,
статный под шлемом,
такими словами:
«Из дома Хигелака
веду соратников
я, воин Беовульф,

хочу поведать
владыке вашему,
потомку Хальфдана,
что мы замыслили,
коль скоро конунг
окажет милость
и нас допустит
в свои палаты».

Вульфгар отвечал,
вождь венделов,
350 муж многомудрый,
меж соплеменников
мужеством славный:
«Владыке Скильдингов
слово просящего,
конунгу данов,
кольцедробителю,
речи твои,
о вождь дружины,
я передам.
Ждите! – скоро
веление конунга —
народоправителя
вы услышите!»

Туда вошел он,
где старый Хродгар
сидел седовласый
среди придворных;
там, на помосте,
перед престолом
360 славного пастыря,
пред ликом Хродгара
встал Вульфгар,
и молвил он, вестник:
«Люди, пришедшие
к нам издалека,
морской дорогой
из края гаутов, —
привел их воин
по имени Беовульф, —
просят они,
повелитель, выслушать
слово, с которым
к тебе спешили;
о господин,
не отказывай пришлым,
слух преклони,
благородный Хродгар, —
оружие доброе
служит порукой

370 их силе и мужеству;
муж могучий,
приведший войско, —
вождь достойный!»

Владычный Скильдинг,
Хродгар ответил:
«Видел я витязя
в дни его детства;
умер отец его,
добрый Эггтеов,
в дом которого
дочь единственную
отдал Хредель;
к старому другу
отца явился
и сын могучий, —
о нем я слышал
от мореходов,
ладьи водивших
в страну гаутов
380 с моими дарами;
они рассказывали,
как тридцать ратников
переборол он
одной рукою.
Бог Всеблагой
направил к данам,

послал, Милосердный
этого мужа —
так я думаю —
против Гренделя,
и я героя,
по дружбе, как должно,
дарами встречу!
Сюда немедля
введи достойных —
пусть предо мною
они предстанут, —
скажи: воистину
гостям желанным
390 даны рады!»

Тогда из чертога
вышел Вульфгар
с такими словами:
«Изволил конунг,
владыка данов,
мой повелитель,
сказать, что знает
род ваш и племя
и рад приветствовать
героев, пришедших
к нам из-за моря.

Теперь в боевом
облачении, в шлемах
ступайте в палаты
да кланяйтесь Хродгару
а ваше оружие
покуда оставьте
тут, у порога,
щиты и копья».

400 Встал среди ратников
статный воин,
вождь дружины,
велел, как должно,
верной страже
стеречь оружие,
а сам с остальными
вслед за глашатаем
двинулся в Хеорот.
Витязь явился
могучий в шлеме
перед престолом,
и молвил Беовульф
(кольчуга искрилась —
сеть, искусно
сплетенная в кузнице):
«Привет мой Хродгару!

Я – воин Хигелака,
его племянник;
мне ратное дело
410 с детства знакомо,
Там, в отчем доме,
услышал я вести
о битвах с Гренделем —
морские странники
о том мне поведали,
что дом дружинный,
тобой построенный,
чертог обширный
пустеет вечером,
чуть солнца на небе
померкнет слава.
Тогда старейшины,
мои сородичи
из лучших лучшие,
меня подвигнули
тебе, о Хродгар,
отдать в услужение
рук моих крепость,
ибо воочию
420 сами видели,
как я из битвы
шел, обагренный

кровью пяти
гигантов поверженных;
а также было,
я бился ночью
с морскими тварями,
мстя, как должно,
подводной нечисти
за гибель гаутов;
так и над Гренделем
свершить я надеюсь
месть кровавую
в единоборстве.
Доверь, владыка
блистательных данов,
опора Скильдингов,
щит народа, —
тебя заклинаю
430 я, прибывший
с дальнего берега, —
о друг воителей,
доверь пришельцам,
мне с моею
верной дружиной,
отряду храбрых
охрану Хеорота!
К тому же, зная,

что это чудище,
кичась могучестью,
меча не носит,
я так же – во славу
великого Хигелака,
сородича нашего
и покровителя! —
я без меча,
без щита широкого,
на поединок
явлюсь без оружия:
440 враг на врага,
мы сойдемся, и насмерть
схватимся врукопашную, —
Небо укажет,
Бог рассудит,
кому погибнуть!
И если он
победит, как обычно
в этом зале,
тогда уж гаутов,
моих соратников,
он беспрепятственно
пожрет, злобесный;
тебе же не будет
забот похоронных,

коль скоро сгину, —
меня утащит
окровавленного
в свою берлогу,
в багровокипящий
450 болотный омут,
и в клочья тело
мое растерзает
себе на мясо,
а мне уже пищи
не нужно будет.
И если сгибну,
похищенный битвой,
мои доспехи
пошлите Хигелаку,
меч и кольчугу
работы Вилунда,
наследие Хределя.
Судьба непреложна!»

Скильдинг-властитель,
Хродгар вымолвил:
«К нам ты ныне
явился, Беовульф,
как друг и защитник,
верный долгу;
460 ведь было: в споре
убивши Хадолафа,
из рода Вильвингов,
отец твой распрю
посеял кровную;
когда же гауты,
страшась усобиц,
его отринули,
бежал он от мести
к нам, за море,
под руку Скильдингов,
в пределы датские,
где я уже властил
тогда над данами,
правил державой,
обширным краем,
твердыней героев

(достойней владел бы
наследием Хальфдана
брат мой старший,
470 да умер Херогар
прежде времени!),
я же немедля
в оплату крови
золото выслал
Вильвингам за море:
я замирил их —
беглец присягнул мне.
А ныне я должен
скрепивши сердце
поведывать людям,
как лютый Грендель
бесчестит Хеорот,
без счета губит
моих домочадцев:
дружина тает»
Судьба безжалостная
уносит воинов
в схватках с Гренделем.
Но Бог поможет
480 воздать злодею
за горести наши!
Не раз похвалялись

в застольях бражных.
над полными чашами
честью хвалились
герои остаться
ночью на страже
и Гренделя в зале
мечами встретить;
тогда наутро
в чертоге для пиршеств
мы находили
запекшейся крови
потоки и пятна,
пол обогранный,
скамьи и стены, —
так я утратил
многих знатнейших,
всех смерть похитила!
490 Но время! – сядем
за пир, и сердце
тебе, воитель,
подскажет слово».
Тогда им дали
на скамьях медовых
места в застолье,
и гости-гауты
сели за трапезу,

ратники сильные,
храбросердые;
брагу медовую
в чеканные чаши
лил виночерпий,
песноказитель
пел о Хеороте;
и беспечально
там пировали
две дружины —
датчан и гаутов.

500 Тут Унферт,
сын Эгглафа,
сидевший в стопах
у владыки Скильдингов
начал прение
(морепроходец,
пришелец Беовульф,
его раззадорил:
неужто в мире
ему соперник
нашелся, воин
под небом славный,
его сильнейший),
и вот он начал:
«Не тот ли ты Беовульф,
с которым Брека
сореvновался
в умении плавать,
когда, кичась
непчатой силой,
510 с морем спорили
вы, бессмыслые,
жизнью рискуя?»

Ни друг, ни недруг,
ни муж разумный
не мог отворотить вас
от дикой затеи
соперничать в океане.

Пучин теченья
сеча руками,
взмахами меряя
море-дорогу,
вы плыли по волнам,
по водам, взбитым
зимними ветрами,
семеро суток.

Тебя пересилил
пловец искусный,
тебя посрамил он:
на утро восьмое,
520 брошенный бурей
к норвежскому берегу,
он возвратился
в свои владенья,
в земли Бродингов,
в дом наследный,
где правит поныне,
на радость подданным,
казной и землями.

Клятву сдержал
сын Бенстана —
был первым!
Вот почему я
предчую худшее
(хотя и вправду
ты крепок в битве,
в честной сече),
коль скоро, с вечера
тут оставшись,
ты встретишь Гренделя!»

530 Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:

«Не чересчур ли
ты, друг мой Унферт,
брагой упившись,
о подвигах Бреки
тут разболтался?
На самом же деле
никто из смертных
со мной не сравнится бы
мощью на море,
выдержкой на океане.
Когда-то, поспорив,
мы вправду задумали,
жизнью рискуя

(а были оба
еще недоростками!),
взапуски плавать
в открытых водах.
Сказано – сделано:
540 кинулись в зыби,
клинки обнажив
ради защиты
от хищных тварей,
там обитавших.
Сил не достало
ему тягаться
со мной на быстринах
но я не покинул
его над бездной:
вместе держались
в опасных водах,
рядом плыли
пятеро суток,
покуда буря
и сумрак ночи,
северный ветер,
снег и волны
кипящих течений
не разлучили
550 нас в ненастье.

Со дна морского
нечисть восстала —
в пене ярились
полчища чудищ.
Рубаха-кольчуга
искусной вязки,
железной пряжи
мне послужила,
шитая золотом,
верной защитой,
когда морезитель,
стиснув когтистыми
лапами тело,
вдруг потащил меня
в глубь океана;
Судьбой хранимый,
я изловчился,
— клинком ужалил
зверя морского —
560 канул на дно
обитатель хлябей.

Кишела нежить,
грозя мне погибелью
в бурлящей бездне,
но я поганых
мечом любимым
учил, как должно!
Не посчастливилось
злойной несыти
мною поживиться,
плотью лакомой,
пищей пиршественной
в глубоководье,
зато наутро
в прибрежных водах
всплыли распухшие
туши животных,
клинком усыпленных, —
и с этой поры
570 стал безопасен
путь мореходный
над теми безднами.
Божий светоч
взошел с востока,

утихла буря,
и я увидел
источенный ветром
скалистый берег —
Судьба от смерти
того спасает,
кто сам бесстрашен!
Всего же девять
избил я чудищ
и, право, не знаю,
под небом ночным
случались ли встречи
опасней этой,
был ли кто в море
ближе к смерти,
580 а все же я выжил
в неравной схватке —
меня, усталого,
но невредимого,
приливом вынесло,
морским течением
к финским скалам.

Но я не слышал
подобных былей
о подвигах ратных,

тобой совершенных:
ни ты, ни Брека —
в игре сражений
не смели вы оба
железом кровавым
творить, как должно,
дела достойные,
зато известно,
что ты убийца
своих сородичей,
590 братьев кровных, —
проклятье ада,
как ни лукавь ты,
тебя не минет!
Скажу воистину
тебе, сын Эгглафа:
не смог бы Грендель
бесчинствовать в Хеороте
не смел бы нечистый
бесчестить владыку,
когда бы сердце
твое вмещало
столько же храбрости,
сколько бахвальства!
Но знает он,
что его не встретят,

противоборствуя,
мечами острыми,
и без опаски
враг набегаёт
600 на земли Скильдингов,
твоих сородичей,
и с данов дань
собирает кровью,
и ест и пьёт он
и не трепещет
при встрече с данами.

Дайте время,
на деле узнаёт он
доблесть гаутскую!
Завтра поутру,
когда над миром
зажжётся светоч,
солнце на небе
явится ясное, —
всяк без боязни
сможет на пиршестве
пить брагу в Хеороте!»

Пришлась по нраву
кольцедарителю,
610 седовласому

старцу-воину,
решимость Беовульфа!
он уверовал,
пастырь данов,
в близость спасения.

Громче смех
зазвучал и речи
среди воителей;
вышла Вальхтеов,
блистая золотом,
супруга Хродгара,
гостей приветствовать
по древнему чину:
высокородная
вождю наследному
вручила первому
чашу пенную,
да не грустил бы
в пиру властитель,
620 владыка данов, —
до дна он выпил,
радуясь трапезе,
добрый конунг;
затем гостей
обходила Вальхтеов
с полной чашей,

потчуя воинов,
старых и юных,
пока не предстала
жена венценосная,
кольцевладелица
с кубком меда
перед гаутским
войсководителем;
многоразумная
Бога восславилa,
ей по молитвам
в помощь пославшего
рать бесстрашную.

630 Чашу воитель
принял от Вальхтеов
и ей отвечивал
жаждущий битвы,
молвил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Дал я клятву,
когда с дружиной
всходил на ладью,
чтобы плыть за море:
или избуду я
ваши беды,
или сгину

в тугих объятых
рук вражьих, —
зарок мой крепок! —
добуду победу,
или окончатся
дни моей жизни
в этом чертоге!»
640 Пришлась по сердцу
хозяйке дома
клятва гаута.

Воссела властная
золотоносица
возле супруга,
и пир разгорелся,
как в дни былые;
застольные клики,
смех и песни
в хоромах грянули,
но сам сын Хальфдана
прервал веселье,
спеша укрыться
в ночных покоях:
он знал, что недруг,
дождавшись часа,
когда помрачится

закатное солнце
и с неба сумерки
650 призрачным облаком
сползут на землю, —
враг явится яростный,
жизнекрушитель,
в зал для пиршеств.
Повстала дружина;
воин воину,
Хродгар Беовульфу
сказал в напутствие,
благословляя
ночную стражу,
такое слово:
«Кроме тебя,
никому до сегодня
я не вверял
сокровищниц датских
с тех пор, как впервые
поднял свой щит.
Прими под охрану
мое жилище!
660 Помни о славе!
Исполни клятву!
Врага стереги! —
и добудешь награду,

коль скоро в сражении
жизнь не утратишь!»»

Хродгар вышел,
за ним дружина,
опора Скильдингов,
прочь из зала;
возлег державный
на ложе Вальхтеов
в покоях жениных;
уже прослышали
все домочадцы,
что сам Создатель
охрану выставил
в хоромах конунга,
дозор надежный
противу Гренделя.
670 Гаутский воин,
душа отважная,
снял шлем железный,
себя вверяя
Господней милости
и силе рук своих,
кольчугу скинул
и чудно скованный
свой меч отменный

на время боя
отдал подручному
на сохранение.
Всходя на ложе,
воскликнул Беовульф,
гаут могучий,
врагу в угрозу:
«Кичится Грендель
злочудищной силой,
но я не слабей
в рукопашной схватке!
680 Мне меч не нужен! —
и так сокрушу я
жизнь вражью.
Не посчастливится
мой щит расщепить ему, —
хотя и вправду
злодей не немощен! —
я пересилю
в единоборстве,
когда мы сойдемся,
отбросив железо,
коль скоро он явится
нынче ночью!
Над нами Божий,
Господень свершится

суд справедливый —
да сбудется воля
Владыки Судеб!»

Склонил он голову,
высокородный,
690 на пестроцветное изголовье
вокруг мореходы
легли по лавам
в палате для пиршеств;
из них ни единый
не чаял вернуться
под кров отеческий,
к своим сородичам
в земли дальние,
их вскормившие,
ибо знали,
как много датских
славных витязей
в этом зале
было убито.
Но Бог-заступник,
ткач удачи,
над ратью гаутской
вождем поставил
героя, чья сила

700 верх одержала
над вражьей мощью
в единоборстве, —
воистину сказано;
Бог от века
правит участью
рода людского!

Исчадие ночи
вышло на промысел;
воины спали,
уснула охрана
под кровлей высокой,
из них лишь единый
не спал (известно,
без попушенья
Судьбы-владычицы
хищная тварь
никого не утащит
в кромешное логово),
на горе недругу
710 он ждал без страха
начала схватки.

Из топей сутемных
по утесам туманным
Господом проклятый
шел Грендель
искать поживы,
крушить и тратить
жизни людские
в обширных чертогах
туда поспешал он,
шагая под тучами,
пока не увидел
дворца златоверхого
стен самоцветных, —
не раз наведывался
незванный к Хродгару,
сроду не знавший
себе соперника,
не ждал и нынче,
720 найти противника,
дозор дружинный
в ночных покоях.
(Шел ратобитец
злосчастный к смерти.)

Едва он коснулся
рукой когтелапой
затворов кованых —
упали двери,
ворвался пагубный
в устье дома,
на пестроцветный
настил дворцовый
ступил, неистовый,
во тьме полыхали
глаза, как факелы,
огонь извергали
его глазницы.

И там, в палатах,
завидев стольких
730 героев-сородичей,
храбрых воителей,
спящих по лавам,
возликовал он;
думал, до утра
душу каждого,
жизнь из плоти,
успеет вырвать,
коль скоро ему
уготовано в зале
пышное пиршество.

(После той ночи
Судьба не попустит —
не будет он больше
мертвить земнородных!)
Зорко высматривал
дружинник Хигелака
повадки вражи,
стерег недреманный
жизнекрушителя:
740 чудище попусту
не тратило времени! —
тут же воина
из сонных выхватив,
разъяло ярое,
хрустя костями,
плоть и остов
и кровь живую
впивало, глотая
теплое мясо;
мертвое тело
с руками, с ногами
враз было съедено.
Враг приближался;
над возлежащим
он руку простер,
вспороть намерясь

когтистой лапой
грудь храбросердого,
но тот, проворный,
750 привстав на локте,
кисть ему стиснул,
и понял грозный
пастырь напастей,
что на земле
под небесным сводом
еще не встречал он
руки человеческой
сильней и тверже;
душа содрогнулась,
и сердце упало,
но было поздно
бежать в берлогу,
в логово дьявола;
ни разу в жизни
с ним не бывало
того, что случилось
в этом чертоге.

Помнил доблестный
воин Хигелака
760 вечернюю клятву:
восстал, угнетая
руку вражью, —

хрустнули пальцы;
недруг отпрянул —
герой ни с места;
уйти в болота,
зарыться в тину
хотело чудище,
затем что чуяло,
как слабнет лапа
в железной хватке
рук богатырских, —
так обернулся
бедой убийце
набег на Хеорот!

Гром в хоромах,
радости бражные
вмиг датчанами,
слугами, воинами,
770 были забыты;
в гневе сшибались
борцы распаленные:
грохот в доме;
на редкость крепок,
на диво прочен
был зал для трапез,
не развалившийся

во время боя, —
скобами железными
намертво схвачен
внутри и снаружи
искусно построенный;
в кучу валились
резные лавы,
скамьи бражные
(об этом люди
мне рассказали),
допрежде не знали
мудрые Скильдинги,
780 что крутоверхий,
рогами увенчанный
дом дружинный
не властна разрушить
рука человеческая —
это под силу
лишь дымному пламени.

Громом грянули
крики и топот;
жуть одолела
северных данов,
когда услышали
там, за стенами,
стон и стенания

богоотверженца —
песнь предсмертную,
вой побежденного,
воплъ скорбящего
выходца адского.
Верх одерживал,
790 гнул противника
витязь незыблемый,
сильнейший из живших
в те дни под небом.

Причины не было
мужу-защитнику
щадить сыроядца,
пришельца миловать, —
не мог он оставить
в живых поганого
людям на пагубу.

Спутники Беовульфа
мечами вращали,
тщась потягаться,
сразиться насмерть
за жизнь дружинного
вождя, воителя
всеземнознатного:
в толпу стеснившись,
они обступили
800 врага, пытались,
мечами тыча,
достать зломогучего,
о том не ведая,
что ни единым
под небом лезвием,
искуснокованным

клинком каленым
сразить не можно
его, заклятого, —
он от железных
мечей, от копий
заговорен был, —
но этой ночью
смерть свою встретил
он, злосчастливый,
и скоро мерзкая
душа, изыдя
из тела, ввергнется
в объятия адские.

810 Враг нечестивый,
противный Богу,
предавший смерти
несметное множество
землерожденных,
теперь и сам он
изведал смертную
немошь плоти,
изнемогавший
в руках благостойкого
дружинника Хигелакова;
непримиримы
они под небом.

Неисцелимая
в плече нечистого
кровоточащая
зияла язва —
сустав разъялся,
лопнули жилы;
стяжал в сражении
820 победу Беовульф,
а Грендель бегством
в нору болотную
упасся, гибнущий,
в берлогу смрадную
бежал, предчуя
смерть близкую;
земная жизнь его
уже кончилась.

И тотчас даны,
едва он скрылся,
возликовали:
герой-пришелец
изгнал злосчастье
из дома Хродгара,
он, доброхрабрый,
избыл их беды;
битва умножила

славу гаута,
слово чести,
830 что дал он данам,
герой не нарушил:
спас их от гибели,
исправил участь
людей, не знавших
удачи в стычках,
избавил скорбных
от долготрадания, —
тому свидетельство
люди увидели,
когда победитель
под кровлей дворцовой
поднял высоко
плечо с предплечьем —
острокогтистую
лапу Гренделя.

Наутро толпами
(так люди мне сказывали)
стали сходиться
дружины к хоромине:
840 дальних и ближних
земель старейшины
шли по дорогам
взглянуть на чудо —
следы чудовища;
из них ни единого
не опечалила
кончина недруга.
Следы поведали,
как, насмерть раненный,
разбитый в битве,
убрел враг, шатаясь,
и, Богом проклятый,
свой путь направил
к бучилу адскому —
в пучине сгинул;
варом кровавым
вскипели воды,
вспучился омут,

покрылся пеной,
850 мутные волны,
вздымаясь, дымились
багровым паром,
кровью злорадца,
лишенного радостей
и обреченного, —
геенна приняла
темного духа.

От топей к дворцу
повернули старейшины,
к праздничной трапезе;
за ними ратников,
всадников сила
на серых конях
шла от болота,
они возглашали:
да славится Беовульф
под этим небом, —
нет другого
от моря до моря
860 на юг и на север
земли срединной,
кто бы сравнился
с ним в добродоблести,
кто был бы достойней

воестаршинствовать!
(Они и Хродгара,
вождя любимого,
хвалить не забыли —
он добрый был конунг!)
Там и наездники,
быстрые в битвах,
вскачь пускали
коней буланых,
и приближенный,
любимец конунга,
славословий знаток
многопамятливый,
сохранитель преданий
старопрежних лет,
870 он, по-своему
сопрягая слова,
начал речь —
восхваленье Беовульфа;
сочетая созвучья
в искусный лад,
он вплетал в песнопение
повесть новую,
неизвестную людям
поведывал быль —
все, что слышал

о подвигах Сигмунда,
о скитаниях, распрях,
победах Вэльсинга.
К месту он помянул
вероломство и месть,
к месту – верность
племянника, Фителы,
в ратном деле
неразлучимого
880 с дядей: рядом
во всякой сече
были оба,
рубилась конь о конь —
их мечами
несчетное множество
на чуже нежити
было посечено.
Слава Сигмунда
немало выросла
после смерти его:
разнесла молва,
как с драконом-
кладохранителем
он сходился,
бесстрашный в сражении,
под утесами темными

(там без Фителы
сын достойного
ратоборствовал),
890 и ему посчастливилось:
остролезвый клинок,
благородный меч
поразил змеечудище,
пригвоздил к скале,
и дракон издох;
тут по праву сокровищем
завладел герой,
воздаяньем за труд
было золото:
он на грудь ладьи
драгоценный груз
возложил и увез,
Вельса доблестный сын;
а драконова плоть
сгибла в пламени.

И пошла по земле
молва о нем,
широко средь народов
стал известен он,
900 покровитель воинства,
добродейтель.

А допрежде того Херемод
растерял храброту,
мощь души и рук,
и подпал под власть
адской силы,
и был погублен
злолукавым врагом, —
сокрушили его
бури бедствий —
стал он бременем
для дружины своей
и для подданных;
и скорбели тогда
о судьбе его
многоумные мужи,
прежде чаявшие,
что сумеет он
упасти их от бед;
910 часто сетовали,
что наследовал он,
сын отца своего,
власть державную
над казной и дружиной,
над людьми и селеньями,
в землях Скильдингов.
И сказал певец:

полюбился нам
больше Беовульф,
родич Хигелака,
чем неправедный Херемод!

По кремнистым дорогам
гнали всадники
коней взапуски.

Солнце утренницы
воссияло с небес.

Диву давшиися
поспешали старейшины
храбромыслые
920 в крутоверхий зал.

Досточестный сам
вышел конунг,
увенчанный славой,
из покоев жены,
и дружина с ним,
и супруга его,
с ней прислужницы
шли толпой во дворец
к ранней трапезе.

Хродгар молвил,
став на пороге,
когда увидел,
под златослепящей
кровлей хоромины
лапу Гренделя:
«За это зрелище
хвалу Всевышнему
воздать я должен!
Во мрак страданий
930 был ввергнут я Гренделем,
но Бог от века
на чудо – чудо
творит, Преславный!
Еще недавно
я и не думал
найти спасителя
среди героев,
сюда сходящихся,
в мой дом, что доверху
до самой кровли
был залит кровью;
из тех прославленных

мужей премудрых
никто не чаял
мой дом избавить,
жиле людское,
от злого призрака,
от адской пагубы.
Но вот он, витязь,
940 по воле Создателя
то совершивший,
чего не умели,
вместе собравшись,
мы, хитромыслые!
Мать, подарившая
людям воина,
может гордиться
(родитель добрая
жива, надеюсь!) —
Судьба-владычица
ей подарила
сына достойного!
Тебя же, Беовульф,
из лучших избранный,
в душе полюбил я,
как чадо кровное, —
и стал ты отныне мне
названным сыном.

Ни в чем отказа
950 в моих владениях
тебе не будет!
Не раз я, бывало,
за меньшие службы
не столь достойных
казной одаривал,
не столь отважных,
как ты, подвигшийся
на небывалый труд.
Ты сам стяжал себе
все вечную славу!
И да воздаст Создатель
тебе, как ныне,
во все дни жизни!»

Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Работе ратной
мы были рады
и шли без робости,
презрев опасность,
960 на встречу с недругом;
но было бы лучше,
когда бы ты мог
врага убитого

во всей красе его
здесь видеть:
я, право, думал,
что тут же брошу
его, изнемогшего,
на смертное ложе,
что, крепко стиснутый
в моих объятьях,
он дух испустит;
ему, однако,
достало силы
отсюда вырваться;
Судьба не дала мне
сдержать бегущего
жизнекрушителя —
он стал воистину
970 резв от страха!
И скрылось чудище,
оставив лапу
ради спасенья —
плечо с предплечьем;
ныне, однако,
ничто проклятого
спасти не может,
не заживется
в поганом теле

душа нечистая:
теперь злочинный,
отягченный грехами,
бьется в оковах
предсмертной муки;
он, тьмой порожденный
скоро узнает,
какую кару
ему уготовила
Судьба-владычица!»

980 Унферт притихший
молчал, сын Эгглафа,
не похвалялся
своими подвигами,
пока старейшины
дивились жуткой
руке чудовища,
что под стропилами
герой подвесил —
на каждом пальце
огромной лапы
воителя адского
железный был коготь,
острое жало
мечеподобное;

теперь мы видим, —
они говорили, —
что даже лучший
клинок на свете
не смог бы сравниться
990 с когтистой лапой
человекоубийцы.

И было повелено
ухитить Хеорот;
спешила челядь,
мужчины и женщины,
прибрать хоромы,
украсить к трапезе
гостеприимный зал,
где златовышитые
на стенах ткани
и дивные вещи
ласкали зренью
землерожденным.

Но все же стены,
скобами железными
прочно скрепленные,
были побиты
и двери сорваны —
одна лишь кровля
1000 цела осталась,
когда, собравшись
с последними силами,
враг злосердый
на волю рвался.

Не властен смертный
спасти́сь от смерти:
ему, гонимому
Судьбой, открыта
одна дорога —
в приют, готовый
принять земное
души вместилище
на ложе смерти,
где сон последний —
отдохновение
от буйного пиршества.

Настало время
явиться конунгу,
потомку Хальфдана,
1010 в хоромы править
праздничной трапезой;
и я не слышал,
чтоб в зал сходилось
когда-либо столько
мужей достойных, —
там достославные
расселись по лавам,
пир начиная.
Сновали чаши

медовой браги
среди героев,
собравшихся в Хеорот,
среди соратников
и родичей конунга
в зале, где Хродгар
сидел и Хродульф, —
еще не извели
распрей Скильдинги
междоусобиц и вероломства.
1020 Наследник Хальфдана
пожаловал Беовульфу
знак победный —
ратное знамя,
стяг златовышитый —
и шлем с кольчугой;
многие видели
и меч знаменитый,
ему подаренный.
Беовульф поднял
заздравную чашу:
дары такие
принять не стыдно
в глазах дружины;
и я немногих
встречал героев

в иных застольях,
кто был бы достоин
тех четырех
златозарных сокровищ!
1030 Сетью железной
по верху обвитый,
шишак тот служит
надежным кровом,
спасая голову
от остролезвого
меча, разящего
в жестокой сече,
когда воитель
идет на недругов.
Еще, по воле
военачальника,
восемь коней
в роскошных сбруях
ввели в палату:
была на первом
ратная упряжь,
седло, в котором
сидел, бывало,
сам сын Хальфдана,
1040 дружиноводитель,
когда, вступая

в игру мечевую,
не знал он страха
над грудями трупов
под градом ударов.
Защитник Ингвинов,
желая ратнику
удачи воинской,
отдал во вечное
владенье Беовульффу
одежды боя
и коней резвых,
воздал ему конунг
добромогучий
за труд, воителю,
казной богатой
да скакунами —
никто не скажет,
что плата нещедрая.

1050 И так же каждого
в той дружине,
которую Беовульф
привел из-за моря,
глава старейшин
в пиру приветил
дарами бесценными;
и цену крови,
пролитой Гренделем,
покрыл вождь золотом.
Не будь Судьба их
вершима Богом,
не будь героя
доблестносердного,
убийца с радостью
избил бы многих!
Но род человеческий
ходит под Господом,
поэтому лучшее в людях —
мудрость,
1060 души прозорливость,
ибо немало
и зла и радостей

здесь уготовано
любому смертному
в дни его жизни.

Сливались музыка
и голос в песне
перед наследным
престолом Хальфдана:
тронул струны
сказитель Хродгаров,
дабы потешить
гостей в застолье
правдивым словом
песнопредания,
былью о битве
с сынами Финна,
как воину Хальфдана
Хнафу Скильдингу
1070 смерть суждена была
на поле фризском:
«Воистину, Хильдебург
тогда не радовалась
ни доблести фризов,
ни мощи данов,
когда любимые
и сын и брат ее,

оба пали
в противоборстве,
проколоты копьями, —
жена несчастливая
свою оплакала
долю, дочь Хока,
когда наутро
она увидела
вождей дружинных,
мертвых, лежащих
под небом, где прежде
лишь радости жизни
1080 она знавала.
Война истратила
войско Финна —
осталась горстка
в его хоробах, —
и он не смог бы,
подняв оружие
противу Хенгеста,
спасти последних
своих воителей;
тогда, смирившись,
решил он данам
отдать половину
зала для трапез

и дома дружинного.
дабы жилищем
равно владели
даны и фризы;
еще обещался
наследник Фольквальда
1090 дарами, как должно,
приветить данов:
дарить чтодневно
героям Хенгеста
пластины золота,
каменя и кольца,
а вместе и честь
воздавать им в застолье
равно как и фризской
своей дружине.

На том порешили,
и мир нерушимый
скрепили клятвой:
покаялся Хенгесту
Финн, что будут
его старейшины
править ратями
так, чтобы ратники
словом ли, делом,
по злomu ли умыслу

1100 согласия не рушили,
чтобы дружинники,
те, чья участь
по смерти конунга
жить под убийцей
кольцедарителя,
ни слова злобы
не смели вымолвить;
если ж из фризов,
помянув старое,
распря новую
кто посеет —
меч без жалости
его жизнь решит!
Так зарок был дан,

И тогда на костер
золотые сокровища
вместе с воином,
с героем Скильдингом
были возложены:
1110 люди видели
окровавленные
битв одежды
железотканые
с кабаном позолоченным

на груди вождя
среди многих воителем,
в сече сгибнувших.
По желанию Хильдебург
там, на ложе огня,
рядом с Хнафом лежал
сын ее благородный,
дабы плоть его
вместе с дядиной
жар костровый истлил;
погребальный плач
затянула она,
вой скорбящей жены,
и взметнулся дым,
в поднебесье огонь,
1120 пламя под облака:
кости плавилась,
кожа углилась,
раны лопались
и сочилась кровь.
Так пожрал дух костра,
пламя алчное,
лучших воинов
двух враждебных племен —
и не стало их.

И спешила дружина,
рать скорбящая,
разойтись по домам
в ютских землях,
в пределах фризских;
сам же Хенгест,
доверясь клятве,
время зимнее
вредотворное
вместе с Финном провел,
1130 об отчизне печалуясь;
и закрылись пути
кольцегрудых ладей —
воды вспучились,
ветром взбитые,
а затем во льды
заковал их мороз.
Но пришла пора,
повернулся год —
чередой возвращаются
времена с небес
(так и ныне!)
на земли смертных, —

стоял зимний покров,
зеленели поля,
и сбирался в путь
гость с чужбины;
но чаще на мысли
приходила ему
не морская тропа,
1140 но кровавое мщение —
в новой схватке
он фризам попомнил бы
встречи прежние!
Потому не отверг он
Хунлафинга
меч, возложенный
на колени его,
пламя битвы,
клинок прославленный
(ютам памятно
это лезвие!),
от которого
Финн лютосердый
принял смерть в бою
во дворце своем.
Так случилось,
что Гудлаф с Ослафом,
с горькой вестью

к данам ходившие,
1150 возвратились из-за моря,
и сердца их исполнились
духом ярости —
кровь заструилась
в доме Финна,
и рать была выбита,
и жена его
стала пленницей.
Было Скильдингам
чем грузить ладьи —
драгоценностями,
самоцветами, —
всем, что в доме,
в хоробах Финна,
отыскать смогли;
и жену благородную
возвратили они
из заморья в отечество,
в землю датскую!»

Так закончил
1160 сказитель песню;
пир продолжился
за медовым столом,
и вино — дивных бочек сокровище —

разносил виночерпий.

Златовенчанная
вышла Вальхтеов

в зал, где конунг
сидел с племянником

(не порвались еще
узы кровные),

а в стопах у владетельных Скильдингов
сел вития

Унферт, признанный
меж людьми

многодоблестным,
хоть и был он убийцей
кровных братьев своих.

И промолвила Вальхтеов:

«Господин мой,

1170 испей эту чашу,

о даритель сокровищ,

да возрадуешься

ты, друг воинов!

Слово доброе

молви гаутам,

будь с гостями

не скуп, но равно

дари и ближних,

приветъ и дальних!

Назвал ты сыном,
так я слыхала,
героя-гаута,
который ныне
очистил Хеорот
кольцесверкающий, —
так будь же щедрым,
покуда можешь! —
когда же срок твой
придет, оставишь
1180 своим сородичам
казну и земли!

А добрый мой Хродульф
поддержит славу
юной дружины,
коль скоро прежде,
чем он, о Скильдинг,
ты жизнь покинешь;
сторицей, надеюсь,
воздаст он нашим
детям за прежнее:
был сиротой он,
его мы вскормили
и мы возвысили
нам на радость,
ему во славу!»

Затем повернулась
к скамье, где братья
Хредрик и Хродмунд,
сыны ее кровные,
1190 сидели средь юных,
а между ними —
герой гаутский,
воитель Беовульф.

Ласковым словом,
чашей медовой
был он привечен,
а также пожалован
двумя запястьями
златовитыми
да украшением —
кольцом ошейным,
какого в жизни
я и не видывал,
и кто из героев
владел, не знаю,
подобным сокровищем,
кроме Хамы,
который, в дом свой
внеся ларец
1200 с ожерельем Бросинга,
бежал от гнева
Эорменрика
под руку Предвечного.
Гаутский Хигелак,
внук Свертинга,
тем даром Вальхтеов,

кольцом был украшен
в последней битве,
где защищал он
свою добычу,
стоя под стягом, —
войнолюбивца
Судьба настигла
в пределах фризских:
надев на шею
то украшение,
пришел за море
дружиноначальник,
но пал под щитами,
1210 и с телом вместе
убор нагрудный
достался франкам,
и это сокровище
также стало
поживой слабейших
врагов на поле,
где многих гаутов
смерть похитила.

Под клики застольные
молвила Вальхтеов,
стоя меж воинов:

«Владей, о Беовульф,
себе на радость,
воитель сильный,
дарами нашими —
кольцом и запястьями,
и пусть сопутствует
тебе удача!

Гордись же, воин,
1220 славой и мощью
и будь наставником
этих юных.

Не я прославляю —
ты сам прославил
себя среди смертных
вовек и повсюду,
вплоть до границы
суши и моря!

Будь же, воитель,
благоуспешен!

Живи безбедно!

И я надеюсь,
ты станешь другом
сынам моим кровным,
о многорадостный!

Конунгу предан
каждый наш ратник

верен другу
и кроток духом;
1230 старейшины дружны;
слуги покорны;
хмельные воины
мне повинуются!»»

Воссела гордая!
Великолепен был
пир-винопитие;
и не предвидели,
не знали витязи
Судьбы злосмертной
им уготованной,
когда под вечер
Хродгар на отдых
в покои конунга
ушел, оставив,
как должно, в зале,
в чертоге, стражу,
дозор дружинный.
Служили им ложами
и подголовьями
1240 скамьи дощатые
(Роком отмечен
был между ними

один брагопийца);
щиты широкие,
блестя, стояли
у них в изголовьях;
на лавах виднелись
высокие шлемы;
и меч отменный
у каждого воина
был под рукою,
и сбруя кольчатая.
Таков обычай
у них, всечасно
готовых к сече:
и в дальнем походе,
и в доме отчем —
езде, где опасность
грозит владыке, —
1250 стоит на страже
дружина добрая!

Они уснули.
Из них единый
за сон расплатился,
как то и прежде
случалось в доме,
где долго злочинствовал
Грендель, покуда
казнь по заслугам
его не настигла,
но скоро люди
о том узнали,
что недруг по смерти
оставил мстителя
за кровь, пролитую
в том сражении.
Выла над сыном
родитель Гренделя —
женочудовище,
1260 жившее в море,
в холодных водах,
в мрачной пучине,
с тех пор как Каин
мечом зарезал

отцово чадо,
кровного брата,
а сам, заклеянный,
утратив радости
рода людского,
бежал в пустыню
и там породил
многих проклятых
существ, подобных
Гренделю-волку,
ходившему в Хеорот
где с ним и встретился
ратник сильный,
жаждавший мощью
с мерзким померяться
1270 благо от Бога
дан человеку
дар многославный —
сила и храбрость;
там, уповая
на волю Господа,
воин сразился
и твари адской
воздал, как должно, —
с позором сгинул
лишенный счастья

враг земнородных
в болотное логово.
Но мать страшилища,
тварь зломрачная,
решила кровью
взыскать с виновных,
отмстить за сына:
явилась в Хеорот,
где войско датское
1280 дремало в зале,
и новые скорби
и страхи прежние
сулила людям
родитель Гренделя.
(И все же не слишком
страшна врагиня —
не так ведь могуча
жена в сражении,
как муж, подъявший
молотокованный,
кровью запятнанный
меч остролезвый,
дабы с размаху
разбить на вражьем
шеломе вепря.)
Щитов достаточно

нашлось в чертоге,
клинки засверкали
в руках у воинов
1290 (лишь тот, застигнутый
врасплох, спросонок
не вспомнил о шлеме,
о мече и кольчуге);
тогда от дружины
она бежала,
уйти поспешила,
жизнь упасая,
но все же успела
похитить сонного —
схватила ратника
и скрылась в топях.
Она сгубила
любимца Хродгара,
слугу вернейшего
из всех старейшин
земель междуморских,
достойного мужа,
храброго в битвах.
(Тем временем Беовульф
1300 спал после праздника
златодарения
в дальних палатах,

гаут всеславный.)
Крики в хоромех;
она похитила
руку Гренделя,
и вновь злосчастье
вернулось в Хеорот:
выпал жребий
гаутам с данами
дань выплачивать
кровью родичей.

Многострадального
старца-правителя
скорбь сокрушила,
когда он услышал,
что умер лучший
из благороднейших
его соратников.

1310 Тогда поспешно
к нему был призван
победный Беовульф,
и рано поутру
военачальник
со всем отрядом
своих сородичей
к вождю явился,
дабы услышать,

какими благами
воздал Создатель
за прежние муки.
Шагал по плитам
прославленный в битвах
и с ним дружина
(дрожали стены)
навстречу мудрому
старцу-конунгу;
владыку Ингвинов
спросил он, приветствуя,
1320 счастливо ль минула
ночь прошедшая.

Хродгар промолвил,
защита Скильдингов:
«Речь не о счастье! —
Вновь посетили
датчан печали:
мертв Эскхере,
первый из братьев
в роду Ирменлафов,
мудрый старейшина,
столп совета,
с кем мы конь о конь
скакали в сечах,
прикрыв друг друга,
рубил вепрей
на вражых шлемах, —
да будет примером
каждому ратнику
слава Эскхере.
1330 Тварью грозной,
забрешей в Хеорот,
был убит он,
и я не знаю,
с поживой, жадная,

куда бежала,
в какое место.
На месть возмездием
она ответила,
на бой полночный,
в котором с Гренделем
ты сквитался,
воздав за гибель
и долгострадание
народа нашего, —
недруг страшный
лишился жизни;
теперь явилась
ему на смену
эта зломысля
1340 кровью выместить
смерть сыновнюю, —
так полагает
любой из героев,
скорбящих в сердце
о верном соратнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.